

О взаимоотношениях между Коминтерном и Профинтерном¹⁾.

Т о в а р и щ и! Вопрос о взаимоотношениях между двумя Интернационалами, который сейчас стоит в порядке дня, несомненно является основным и центральным вопросом нашего Конгресса, ибо многие товарищи, когда они ехали на этот Конгресс, ехали с заранее обдуманном намерением создать такие взаимоотношения, при которых эти два Интернационала никогда бы не встретились между собой, в своей работе. Что такое намерение было, это мы видим из той литературы, которая расплодилось накануне Конгресса, при чем некоторые товарищи специализировались на независимости и самостоятельности. Чем больше они писали, тем меньше содержания имеется в самой теории независимости и самостоятельности и тем меньше можно понять, чего хотят эти товарищи.

Товарищи, я хочу обратить ваше внимание на коллективное мнение синдикалистов нескольких стран, которое было вынесено в конце декабря 1920 года. В Берлине с 16 по 21 декабря 1920 года состоялась конференция синдикалистов и на этой конференции боролись два течения, одно из которых представлено было немецкими и шведскими синдикалистами. Синдикалисты эти хотели быть настолько независимыми, что предложили не ехать в Москву на Международный Конгресс, ибо независимость они понимали так, что с коммунистами можно встречаться лишь тогда, когда наносишь им удар в спину. Но большинство присутствующих синдикалистов на эту точку зрения встать не могло, и в результате предложение немецких синдикалистов было отвергнуто. Но это настроение,—быть подальше от коммунистов и от такого исчадия

¹⁾ Речь на 1-ом Конгрессе Профинтерна (3—19 июля 1921 г. в Москве).

ада, как политика, нашло свое отражение в 6-ти пунктах, которые были приняты на этом Конгрессе. Характерно, что выступивший здесь представитель «Индустриальных Рабочих Мира» (I. W. W.) заявил мне при первой нашей встрече, что последний с'езд «I. W. W.» высказался о взаимоотношениях с Коминтерном в том смысле, что нужно придерживаться этих 6-ти пунктов. Таким образом, эти 6 пунктов как бы являются 6-ю заповедями синдикалистского Завета. Чтобы дать вам представление об этом Завете, я вам эти 6 пунктов прочту:

1. «Революционный Интернационал Профсоюзов становится без всяких оговорок на точку зрения революционной классовой борьбы и власти пролетариата»,—так гласит начало этой декларации.

Власть, в устах синдикалистов, это что-то новое. Они раньше об этом никогда не говорили, а самое слово «Власть» писали с большой буквы и считали, что власть всегда от дьявола и что пролетариат не должен ею интересоваться. Я оглашу следующие пункты:

2. «Революционный Интернационал Профсоюзов стремится к уничтожению и устранению экономического, политического и духовного господства капиталистического строя и государства. Он стремится к созданию свободного коммунистического общества.

3. Конференция констатирует, что рабочий класс в состоянии уничтожить политический и духовный гнет капитализма только путем максимального использования имеющихся в его распоряжении экономических средств борьбы, находящихся свое применение в революционных выступлениях рабочего класса для достижения этой цели.

4. Революционный Интернационал Профсоюзов становится на ту точку зрения, что восстановление и регулирование производства и распределения является задачей экономических организаций каждой страны.

5. Революционный Интернационал Профсоюзов совершенно самостоятелен и не зависит ни от какой политической партии. В случае, если Революционный Интернационал Профсоюзов решится на какое-нибудь выступление, с которыми согласны и политические партии, или другие организации, или же наоборот, то это выступление можно провести совместно с этими партиями или организациями.

6. Конференция настоятельно приглашает все революционные синдикалистские организации прибыть на Конгресс Красных Профсоюзов в Москве (1 мая 1921 года), созываемый Временным Советом Красных Профсоюзов, с целью создать сплоченный революционный Интернационал Профсоюзов».

В этой резолюции как в капле воды, отразился тот идейный сдвиг, который произошел среди синдикалистов—сдвиг, несомненно, в лучшую сторону, но с другой стороны, старые мертвецы все еще крепко держат живых синдикалистов в своих объятиях. В самом деле, заметьте: когда в первом пункте говорится о власти трудящихся, о власти пролетариата,—то нужно же вкладывать определенное содержание в эту власть. Здесь это—пустая фраза. Если в это слово вкладывается определенный смысл, оно принимает то значение, что дело идет о социальной революции, о захвате власти и пр., а это есть то, о чем мы в течение долгих лет спорили с синдикалистами. Отражение синдикалистских воззрений мы видим в пункте 3-м, где говорится о том, что дело разрушения капитализма может произойти только посредством экономической борьбы. Вообще синдикалисты страдают пороком непонимания, что такое политика и что такое экономика. Это есть основная беда синдикалистов всех стран. Политикой они считают парламентскую борьбу, парламентские переговоры—и только, а выступления масс—это есть экономика. Но почему выступление масс, которое идет, например, в связи с мобилизацией в какой-нибудь стране, является только экономикой,—этого ни один живой синдикалист не сумеет объяснить, ибо каждый прекрасно понимает, что выступление путем воззвания, выступления в связи, скажем, с оккупацией Рурского бассейна и т. д. являются политическими действиями. Все это затрагивает рабочий класс в целом и противопоставляет пролетариат, как класс, государству и капитализму. А политика есть действительное противопоставление одного класса другому. И всякое движение рабочих, которое охватывает массу и противопоставляет ее в борьбе другому классу, есть политическое движение. Если бы разница была только в терминологии, мы бы с товарищами совершенно не спорили, но, к сожалению, здесь не только разница в терминологии. Здесь разница в понимании задач рабочего класса, в методах подхода, в непризнании способов и методов борьбы, которые ведут

нас к одной и той же цели. И, наконец, в пункте 4-м мы видим опять, что и регулирование хозяйства предполагается передать в руки экономической организации каждой страны, т.-е. профсоюзов. Но наиболее «ударным» (это уже чисто русское выражение, которое я затрудняюсь перевести), наиболее ударным явился 5-й, где торжественно провозглашается абсолютная независимость и самостоятельность от какой бы то ни было политической партии. Дальше идет прямо-таки комический пункт, смысл которого следующий: «Если,—говорит он,—мы хотим выступить, а рядом с нами имеется сосед, который носит название «политической партии», и онный сосед имеет такие же хорошие намерения как и мы, то совместные выступления вполне возможны». А я спрошу: «Известны ли вам до самого выступления хорошие желания этого политического соседа? Если известны, почему не сделать так, чтобы происходило соглашение не только в самый момент выступления, но и накануне и в самом процессе подготовки борьбы?» Самая формулировка свидетельствует об абсолютном непонимании самых элементарных истин классовой борьбы. Возьмите Францию, классическую страну «демократии», где сейчас эта «демократия» свирепствует довольно основательно. Там мы имеем следующий ряд социальных факторов и явлений. Прежде всего мы имеем там такую реакцию, подобную которой Франция переживала лишь непосредственно после Коммуны. После подавления революционного движения, Франция переживала период расцвета «морального порядка» (*L'ordre moral*). Она переживает сейчас такое же состояние: вносятся законопроектны сверхразбойничьи, сверхбандитские, которые приговаривают к 5-ти годам тюрьмы или каторги за малейшее выступление против милитаризма, проекты, касающиеся союзов и партии, касающиеся того, как нужно организовать борьбу с пролетариатом во всех отраслях. Если бы мы, действительно, проводили до конца мысль, которую выражают синдикалисты, то каким образом можно было бы организовать борьбу рабочих? Она была бы совершенно невозможной, в лучшем случае она распылила бы мощь пролетариата параллельными, несогласованными выступлениями, а не явилась бы концентрированным ударом по одному месту. Та мысль, что когда мы начинаем выступать и кто-либо другой также желает выступать, то разрешается согласовать свои дей-

ствия,—детски наивна. Такая политика от случая к случаю, в корне неверна. Она отдаляет нас от нашей цели, она затрудняет классовую борьбу, она свидетельствует о том, что в головах многих синдикалистов имеется очень много предрассудков, которых даже революция и мировая война не смогли выбить. Какие же вам еще нужны встряски, если даже мировая война и революция вас не излечила? Какие же еще нужны события, чтобы вы встали на правильную точку зрения?

Я думаю, товарищи, что жизнь в дальнейшем и уже в ближайшие годы борьбы излечит товарищей от этих последних предрассудков и в практике каждодневной борьбы, в столкновениях с буржуазией, они увидят, что буржуазия в тысячу раз умнее их теоретиков. Спросите любого буржуа, ведут ли они такого рода дискуссии, занимаются ли они такого рода вопросами?—и он на вас посмотрит как на сумасшедшего и будет тысячу раз прав, ибо буржуазия прекрасно сознает свои классовые интересы.

Каждая буржуазная организация, которая своими методами и способами поддерживает буржуазный порядок, является для буржуазной системы находкой, и никаких метафизических отвлеченностей и безжизненных теорий—буржуазия в области борьбы с пролетариатом не признает, потому что не отделяет политики от экономики.

Теперь еще два примера того, как неправильно товарищи подходят к вопросам о взаимоотношениях между Коммунистическим Интернационалом и Интернационалом Профсоюзов. Я имею перед собой декларацию Комитета Революционных Синдикалистов, которая напечатана в «Юманите» от 21 мая. В этой декларации есть пункт, который начинается следующими словами:

«Комитет Революционных Синдикалистов провозглашает безоговорочно полную независимость и автономию революционного французского синдикализма». А дальше, когда декларация подходит к определению того, как же все-таки установить взаимоотношения с Коммунистической партией, говорится так: «Комитет Революционных Синдикалистов не пренебрегает той возможной поддержкой, которую в данный момент могут ему оказать революционные политические партии, удельный вес и сила которых сейчас довольно значительны, и равным образом тем значительным влиянием, которым рас-

полагают различные философские группы, стремящиеся привести человечество к более совершенной идеологии!..»

Что это такое? Это те же самые синдикалистские предрассудки, которые все время противопоставляют политику экономике и тем самым расщепляют, раздробляют рабочие организации на две части, отдавая их под удары буржуазии и ослабляя их.

В «Юманите» от 27 июня я нахожу любопытную статью тов. Вердье, под заголовком: «Синдикализм должен быть свободным». В чем же заключается эта свобода синдикализма? Раз говорят о свободе, то, очевидно, опасность исходит от каких-то захватнических, империалистических держав. Таковыми империалистическими державами по смыслу теории независимости являются, с одной стороны: «Коммунистический Интернационал», а с другой стороны «Коммунистическая партия». В чем состоят преступные империалистические стремления этих держав? Они сводятся к желанию, чтобы все рабочие организации были проникнуты коммунистическим духом, чтобы они были действительно организациями рабочего класса. В этом весь захватнический, империалистический характер преступления этих организаций с точки зрения синдикалистов.

Тов. Вердье пишет, что французской делегации был дан императивный мандат следующего содержания:

§ 1. Поддерживать требование, чтобы ныне собирающийся Конгресс Интернационала Профсоюзов был и продолжал оставаться независимым от Коммунистического Интернационала. § 2. Чтобы он признал независимость и автономию рабочего и профессионального движения в каждой стране, и в особенности, чтобы была признана ненарушимой автономия французского синдикализма, формы и принципы которого служат исходными точками грядущей социальной революции. § 3. Чтобы из предложенного Устава был выброшен пункт о взаимном представительстве обоих Интернационалов: Коммунистического и Профессионального, осуществляемом их соответствующими исполнительными органами. Последний пункт этого императивного мандата таков: «Каковы бы ни были решения Конгресса, французская делегация не должна присоединять-

ся к ним; она должна принять к сведению эти решения и доложить о них Центральному Комитету, который поставит вопрос на дискуссию во всех организациях. Специальный Конгресс в дальнейшем решит вопрос о том, присоединиться или не присоединиться».

Если такой мандат был дан, а он, очевидно, был дан, раз я о нем знаю, то более нелепого мандата я в своей жизни не видел. Одно из двух: если вы посылаете полномочную делегацию, то нельзя ей сказать так: «вы, товарищи, что бы там ни было принято, не смейте присоединяться!». Очевидно, данную делегацию считают недостаточно зрелой и не доверяют ей в оценке событий. Нельзя же ведь, в самом деле, делегации из 11 человек, которую посылают на Конгресс представителей революционных союзов, нельзя же ей сказать: «не давай подписи, приезжай обратно, каковы бы ни были решения, которые будут там приняты!». Это не только недоверие к Конгрессу, но это также есть и недоверие к своим товарищам, которых, очевидно, послали на Конгресс с задней мыслью и боязнью того, что они здесь, встретившись с другими товарищами, оценив все, что здесь происходит, может быть, присоединятся к разумным решениям, не совпадающими с пресловутой французской «независимостью».

Иду далее.—Синдикалисты часто пишут о необходимости соблюдения свободы синдикалистского движения каждой страны. Я не понимаю этой точки зрения, как и самого подхода к вопросу. Мы, конечно, понимаем психологию наших французских товарищей; мы понимаем различную социальную обстановку разных стран; мы понимаем исторические наслоения этой психологии,—мы все это понимаем, как каждый врач может понимать любую болезнь, но оттого, что мы понимаем эту болезнь, мы вовсе не желаем провозглашать эту болезнь нормальным явлением для рабочего движения. Мы считаем, что это является болезненным пережитком старого, ибо если вы возьмете рабочий класс в целом, то, вся его революционная энергия должна найти себе организационные формы и выражения. Нашим идеалом будет создание единого Интернационала, который был бы общей организацией для всего политического, профессионального, кооперативного движения рабочего класса, для того, чтобы собрать в одном кулаке, в одной организации всю революционную энергию рабочего

класса и бороться против объединенной, крепко сплоченной, крепко спаянной и сознательной международной буржуазии. Таков наш идеал. Конечно, имеется ряд переходных ступеней и форм. В каждой стране это будет по своему происходить, но в принципе это будет общим для всех стран. Принципиальная ошибка наших товарищей в следующем: они не видят отчетливо того, что Коммунистический Интернационал является самым худшим врагом капиталистического строя. Это непонимание доказывает, что эти товарищи ничему не научились за последние 10 лет. А между тем достаточно посмотреть на всю социальную обстановку для того, чтобы понять, какое колоссальное значение имеет Коммунистический Интернационал. Надо, наконец, товарищи, бросить нелепую теорию независимости от коммунизма. Заметьте, что по поводу этой теории буржуазная пресса пишет, что она очень хороша и вся буржуазная пресса отстаивает эту точку зрения. Те товарищи, которые не понимают этого вопроса, являются тормазом для социальной революции, а не фактором ее прогресса.

